

Узнанный по книжкам и кино, цирк был для меня далёким, неведомым и совершенно сказочным царством. Сейчас уже сложно ответить, почему в малом детстве меня ни разу не сводили в цирк, и я не представлял воочию, что это такое. В начале послевоенных пятидесятых годов, скорее всего, было просто не до этого. И вот когда однажды утром на стене нашего дома внезапно появилась огромная цирковая афиша, она ошеломила своей красочностью и грандиозностью. И сегодня я до штрихов помню тройку застывших на задних ногах лошадей, с яркими султанчиками на головах, красивой сбруей и фиолетовым оттенком шкуры на подбрюшье. На других домах были приклеены картинки с клоунами, белыми кудрявыми собачками и фокусником — чернявой наружности мужиком с выпученными страшными глазами. Пацаны бегали от дома к дому, обсуждая неожиданное событие. Вскоре выяснилось, что афиши расклеил дядя Серёжа Парфенолов, странный и молчаливый мужчина из четвёртого дома. Постоянной работы у него не было, и он по случаю устроился в цирк расклейщиком афиш. В качестве пробы сил первую выданную ему

партию, не мудрствуя лукаво, он расклеил где поближе — на своём и соседних домах. К его изумлению, фурор это вызвало неслыханный. Мало что дети — многие взрослые вспомнили, что есть такой загадочный и волшебный мир — цирк. Парфенолов на некоторое время стал самой популярной фигурой на улице. Мужики, раньше особенно не принимая его всерьёз, здоровались с ним «по ручкам», ребятишки поменьше бегали следом гурьбой с криками: «Дядя, покажи фокус». Люди с улицы стали ходить в цирк. Правда, учитывая социальный статус публики, чаще всего билеты брали подешевле, на последние ряды, но впечатлений было, как говорится, выше крыши. Дядя Серёжа стал главным консультантом по вопросам «чего жрут слоны» и «как фокусник из штанов достаёт голубей». Сегодня я сомневаюсь, что дядю Серёжу вообще пускали на территорию цирка, а уж тем более рассказывали ему, как голубей в штаны прячут, но ближе специалиста не было, и он, как мог, пытался соответствовать положению. И вот, в самый разгар цирковой истерии на нашей улице, попал и я в эту струю. Но, честно признаться, произошло это совсем не на нашей улице, да и получилось совсем не так, как хотелось бы.

Мой дед с бабушкой жили в бараке на Каче, в районе, где основной контингент составляли всякого рода переселенцы военной и послевоенной поры, нетрудовой элемент из мелкого ворья и шпаны да китайцы, что держали огороды по заливаемой пойме реки. Китайцы жили обособленно и замкнуто, понимая, что они, как самая бесправная составляющая советского общества, не имеют «права» высываться или высказывать своё мнение. В дедовом бараке публика тоже в основном была или бедная, или тёмная. В дальнем крыле, в маленькой боковой комнатке, жили

Бачуры — мать с дочкой, девчонкой лет шестнадцати, и с ними на приживалках девица чуть постарше, вроде бы как племянница. Меня они иногда угощали конфетами и называли почему-то «Витюся», хотя звали меня Толя, что было абсолютно не похоже на «Витюсю». Я и сегодня не понимаю смысла некоторых слов того времени. Только Жирных, сверстник моих дядьёв, почему-то всех ребятишек, и меня в том числе, называл «Сандулей». Говорят, и его отец так всех пацанов называл. Кто такой «Сандулей» и что это вообще обозначает, я и по сегодняшний день не ведаю. Взрослые пацаны часто обращались друг к другу словом «Гоца». Что это обозначало, Бог его знает.

Ну, так вернёмся к девчонкам.

Как-то, на ходу поймав меня за шкирку, «племянница» оглядела мою фигуру критическим взглядом с ног до головы:

— Витюся, в цирк хочешь?

— А не врёшь?

— Я, Витюся, мужчинам никогда не вру.

— Я не мужчина. Я — пацан.

— Подходит. Ну так что?

— Если бабушка отпустит.

— Иди договаривайся. Вечером пойдём.

Бабушка, узнав, с кем я собрался идти, недоверчиво хмыкнула:

— С этими дурами? Бросят где, и будешь горе мыкать.

— А чего они бросят?

— Да ветродуйки. В поле ветер, в голове дым. Не знаю... Мать меня потом сгрызёт.

Я долго канючил, убеждал, что они девочки хорошие, заботятся обо мне, чтобы я посмотрел на клоунов. Перед глазами всё время стояла та афиша с нашего

дома, где лошади в дыбки стоят с фиолетовыми брюхами. В итоге всё-таки выканючил.

— А, леший с тобой, иди. Только искать тебя не буду, если кинут где.

Вечером, с начищенными ботинками, в вельветовой курточке и кепке с пуговкой, я стоял на крыльце в боевой готовности. Сердце тихо ныло от предвкушения праздника. Девчонки посмотрели на меня, переглянулись и засмеялись:

— Красавец! Ну, пойдём, жених.

До цирка мы шли долго. Уже за вечерело, стало смеркаться. Ещё издали, услышав музыку, понял, что представление уже идёт полным ходом, а мы ещё на улице. Девицы, приказав мне никуда не отходить, пошли вокруг цирка, с его тыльной стороны. Постояв немного, я тоже потянулся за ними. Цирк, большой балаган, дышал, гремел музыкой и аплодисментами, скрипел скамейками, а я, как сирота казанская, шёл один, медленно теряя надежду попасть в эти недра красочной жизни. Мои подружки у служебного входа канючили, чтобы им позвали какого-то Сашу, а сторож гнал их от двери и грозился позвать не Сашу, а милиционера. Дав мне на всякий случай подзатыльник за то, что я ушёл с поста, девчонки, посоветовавшись, решили залезть под наклонный ярус скамеек, чтобы в щель смотреть «цирк». Отогнув плохо закреплённый край брезента, мы протиснулись в узкое пространство под скамейками, ступенчато опускаемыми вниз. Было темно, душно и пыльно. С трудом отыскав более или менее широкую щель, я прильнул к ней и с ошеломлением увидел ярко освещённый круг арены. Гремела музыка, что-то кричал клоун, падая на спину, хохотали зрители. Что кричал клоун, слышно было плохо из-за скрипа скамеек и смеха зрителей.

На голову посыпалась пыль, и чья-то нога, сильно пахнущая кирзой, заслонила почти всю арену. Постояв так ещё немного и пытаясь хоть что-то разглядеть из-за сапога, я понял, что поход в цирк сегодня не удался. Девчонки стали чихать, потом хохотать во всё горло, и мы вылезли на улицу.

— Ну чё, Витюся, как цирк?

— Вы же обещали...

— Извини, не получилось. Сейчас Сашку найдём и...

— Нет. Отведите меня домой.

— Ну чего ты расстроился? Вот Сашку найдём, и он нас проведёт.

— Не хочу в цирк. Домой хочу.

— Ну вот. А ещё жених...

Девчонки всю дорогу хохотали как сумасшедшие, а мне было грустно. Так хотелось увидеть, как фокусник из штанов голубей достаёт, и вот — не получилось. Для чего девчонки меня с собой таскали, тоже было непонятно.

В цирк я попал уже поздней осенью, со школой. Мы сидели на последнем ряду, было жутко холодно; что кричал весёлый клоун, мы не поняли, а фокусника вообще не было. Лошади, опустив голову, бегали по кругу, и каждый раз, когда дядька в синем галифе щёлкал их длинным бичом, они испуганно вздрагивали.

Цирк мне не понравился.